ЧЕСТВОВАНІЕ ПАМЯТИ
Б. Н. ЧИЧЕРИНА
ВЪ СЛАВЯНСКОМЪ КЛУБѢ
ВЪ КРАКОВѢ
28. ФЕВРАЛЯ 1904. ГОДА.

ПЕРЕВОДЪ СЪ ПОЛЬСКАГО.

КРАКОВЪ.
УНИВЕРСИТЕТСКАЯ ТИПОГРАФІЯ.
1905.

2 шк
4

025
29

Имя Б. Н. Чичерина пользовалось большой популярностью въ Польскомъ обществѣ съ тѣхъ поръ, какъ стали извѣстны его воззрѣнія, благодаря появленію въ печати III тома его „Курса Государственныхъ наукъ“ и брошюры о Польскомъ вопросѣ Политическіе взгляды покойнаго мыслителя и ихъ отношеніе къ другимъ теченіямъ русской жизни были подробно изложены проф. Маріаномъ Здзѣховскимъ въ рядѣ статей, печатавшихся въ журналѣ Przegląd Polski, органѣ предсѣдателя Краковской Академіи Наукъ, графа Станислава Тарновскаго. Такимъ образомъ они проникли въ широкую публику и личность Чичерина стала въ глазахъ Поляковъ олицетвореніемъ всего лучшаго въ Россіи. Краковскій Ягеллонскій Университетъ, желая почтить заслуги великаго ученаго, воспользовался праздникомъ 500лѣтней годовщины своего существованія (1400—1900) и преподнесъ ему дипломъ доктора honoris causa.

Вѣсть о смерти доблестнаго защитника угнетенныхъ вызвала горестный откликъ въ Польшѣ и по иниціативѣ Славянскаго клуба въ Краковѣ состоялось 28 Февраля 1904 года торжественное засѣданіе въ честь памяти усопшаго. Кромѣ членовъ клуба участвовалъ въ засѣданіи ректоръ университета проф. Эдмундъ Кржимускій, желая этимъ засвидѣтельствовать глубокое уваженіе университета къ памяти своего по-

четнаго доктора. Вмѣстѣ съ ректоромъ явились, какъ представители университета, слѣдующіе профессора: Маріанъ Соколовскій, Казимиръ Моравскій, Маврикій Страшевскій, Іосифъ Третякъ, Эдуардъ Янчевскій, Наполеонъ Цыбульскій, Янъ Лось, графъ Юрій Мыцельскій, Казимиръ Рогуйскій. Кромѣ этаго присутствовали многочисленные представители высшихъ сферъ общества и интеллигенціи, въ томъ числѣ: графъ Эдуардъ Рачинскій, графъ Францискъ Потоцкій, графъ Людовикъ Дембицкій, Цезарій Галлеръ, Янъ Загурскій, графъ Юрій Мошинскій, графъ Стефанъ Мошинскій, Антонъ Бопрэ (редакторъ газеты Głos Narodu). Достойно вниманія и то, что въ значительномъ количествѣ явилась университетская молодежъ.

Проф. Казимиръ Моравскій, извѣстный изслѣдователь римской литературы и польскаго гуманизма, блестящій стилистъ и ораторъ, открылъ засѣданіе краткой, но прекрасной рѣчью, въ которой обратилъ вниманіе слушателей на то, что Чичеринъ принадлежалъ къ числу людей, высоко стоявшихъ надъ среднимъ уровнемъ момента и среды; онъ былъ сѣятель нивы будущаго и брошенный имъ посѣвъ пробьется сквозь все нездоровое и гнилое въ Россіи и дастъ обильную жатву въ будущемъ. Въ то время какъ ни одинъ изъ нѣмецкихъ мыслителей не возвысился до того, чтобы сжалиться надъ трагическими судьбами и горемъ польскаго народа, въ то время какъ популярный философъ Гартманнъ бросилъ въ примѣненіи къ Польшѣ лозунгъ ausrotten, — Чичеринъ писалъ свое политическое завѣщаніе, смыслъ котораго состоитъ въ протестѣ противъ политики мести по отношенію къ Польшѣ, въ воззваніи къ разумному и честному соглашенію съ Польшей, составляющему

необходимое условіе и нравственнаго и политическаго исцѣленія Россіи.

Присутствующіе почтили память усопшаго, выслушавъ, стоя, вступительное слово проф. Моравскаго.

Послѣ этаго предсѣдатель клуба проф. Маріанъ Здзѣховскій произнесъ свою рѣчь, въ которой пытался дать характеристику личности и дѣятельности Чичерина. Эту рѣчь мы печатаемъ ниже; отрывки писемъ Чичерина, прочитанные проф. Здзѣховскимъ произвели глубокое впечатлѣніе на присутствующихъ.

Потомъ ректоръ университета Кржимускій высказалъ нѣсколько теплыхъ словъ о тяжелой утратѣ, которую понесъ Краковскій университетъ въ лицѣ своего почетнаго члена и притомъ сообщилъ слѣдующій текстъ телеграммы, отправленной университетомъ Г-жѣ Чичериной: L' université de Cracovie dèplore douloureusement la mort de son docteur honoraire et, rendant hommage à l' auguste mèmoire de votre illustre èpoux, s' incline devant les grandes idèes de justice et d' èquitè, dont il fut toujours un des plus nobles reprèsentants.

Проф. Маврикій Страшевскій, занимающій кафедру философіи въ Краковѣ, дополнилъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ рѣчь проф. Здзѣховскаго. Прежде всего онъ указалъ на то, что Чичеринъ — одинъ изъ тѣхъ людей, которые свидѣтельствуютъ о существованіи въ нѣдрахъ русскаго народа силъ умственныхъ и нравственныхъ, обѣщающихъ Россіи міровое значеніе. Затѣмъ онъ очень подробно развилъ свой взглядъ на философію Чичерина, пытаясь доказать, что въ ней видно вліяніе мысли восточно - христіанской и даже элементовъ неоплатонизма. Останавливаясь на главномъ сочиненіи Чичерина „Наука и религія“ онъ обратилъ

вниманіе на то, что Чичеринъ ярче и сильнѣе, чѣмъ кто либо до него, выразилъ характеризующее европейскую мысль конца XIX вѣка стремленіе къ примиренію науки и религіи. — Изъ тріады русскихъ мыслителей: Л. Толстаго, Вл. Соловьева и Чичерина послѣдній является умомъ наиболѣе уравновѣшеннымъ. Что же касается сочувствія Чичерина къ Полякамъ, то оно исходило у него исключительно изъ идеи справедливости, къ которой обязано стремиться человѣчество.

Политическую сторону воззрѣній и дѣятельности Чичерина характеризовали г. Августъ Соколовскій, историкъ и бывшій членъ австрійскаго рейхсрата и графъ Юрій Мошинскій.

Въ рѣчи г. Соколовскаго проглядывало недовѣріе къ плодотворности вліянія Чичерина въ виду охватившей самыя вліятельныя сферы въ Россіи страсти обрусительнаго національнализма, который заразилъ равнымъ образомъ большинство русской печати. Но тѣмъ болѣе достойны любви и уваженія мыслители и публицисты, противодѣйствующіе этому теченію. „Люди идеальнаго образа мыслей — говорилъ г. Соколовскій — къ несчастью составляютъ исключеніе въ родѣ человѣческомъ — и Чичеринъ, судя по его сочиненіямъ и перепискѣ съ проф. Здзѣховскимъ, не вѣрилъ въ близкое наступленіе тѣхъ идеальныхъ русско-польскихъ отношеній, которыя онъ самъ проповѣдывалъ. Убѣжденіе, что Россія будетъ играть предназначенную ей роль въ славянствѣ лишь послѣ разрѣшенія польско-русскаго спора, дѣлаетъ честь уму и сердцу Чичерина, хотя въ настоящее время это убѣжденіе не имѣетъ никакого реальнаго значенія.“

Графъ Юрій Мошинскій, талантливый писатель и страстный борецъ за идею примиренія Польши и Россіи, понимаемую имъ въ самомъ высокомъ христіанскомъ смыслѣ, высказалъ глубоко прочувствованную рѣчь, въ которой онъ слилъ въ прекрасное цѣлое свою пламенную симпатію для личности Чичерина со взглядами, проводимыми имъ въ литературѣ и жизни съ 1880 года. „Трудясь — началъ онъ — уже около 25-и лѣтъ надъ соглашеніемъ двухъ единоплеменныхъ народовъ, я не могу молчать надъ гробомъ лучшаго и возвышеннѣйшаго представителя этой идеи. Любовь, самопожертвованіе, вѣра — вотъ пути, ведущіе къ познанію истины; и я увѣренъ что именно эти пути, а не философія, привели Чичерина къ Богу. Въ философіи онъ могъ искать только поддержки, которой ему не могло дать официальное православіе. И опять не философія, но любовь отечества воодушевила его справедливостью въ отношеніи къ намъ". — Отмѣтивъ затѣмъ, что величіе идеи Чичерина состоитъ въ томъ, что она покоится на незыблемомъ основаніи религіи и нравственности, графъ Мошинскій изложилъ въ краткихъ словахъ содержаніе того, что составляетъ связующую нить его сочиненій и можетъ быть выражено въ слѣдующемъ краснорѣчивомъ обращеніи его къ соотечественникамъ: „Весь вашъ трудъ, всѣ ваши добычи будутъ только мыльными пузырями, если въ вашихъ сердцахъ не будетъ христіанской любви, если вы отравите святое чувство любви къ отечеству ядомъ ненависти къ угнетающей васъ Россіи". *) Слѣдовательно въ отношеніи къ русскому народу Поляки должны

*) Ср. М. Уршинъ: „Идеалы Польскаго общества" Лейпцигъ 1896 года стр. 28.

тоже стать на религіозно нравственной почвѣ, тѣмъ болѣе, что они обладаютъ значительнымъ преимуществомъ, имѣя неисчерпаемый источникъ нравственныхъ силъ въ истинѣ ученія Христа, свято сохраняемой Р. К. церковью. Только привязанность къ Р. К. вѣрѣ даетъ Полякамъ достаточно силъ для сопротивленія двойному напору германизма и руссификаціи. — Переходя затѣмъ къ современной политикѣ, ораторъ развилъ свою любимую мысль о необходимости русско австрійскаго союза для противодѣйствія Германіи. Династія Габсбурговъ дала славянскимъ народамъ возможность свободнаго развитія: „И славянскіе народы — говорилъ гр. Мошинскій — какъ въ Австріи, такъ и внѣ ея, должны себѣ запечатлѣть въ мысли то, что разстраивая Австрію, они дѣйствуютъ единственно въ пользу Германіи, которая, опираясь на Россію, всѣми силами стремится направить политику Россіи на путь ненависти къ католицизму, къ Польшѣ и къ Австріи. Навѣрно никто сильнѣе меня не желаетъ освобожденія Австріи отъ Прусскаго насилія, но не подлежитъ сомнѣнію, что только с и л ь н а я Австрія въ состояніи это сдѣлать — и равнымъ образомъ не подлежитъ сомнѣнію, что только съ с и л ь н о й Австріей Россія пожелаетъ вступить въ союзъ, какъ равная съ равной. И я убѣжденъ, что этотъ союзъ есть единственное средство къ освобожденію Россіи отъ унизительной Прусской опеки, руководящей ея политикой; съ помощью этого союза Россія войдетъ на путь справедливости въ отношеніи къ Полякамъ и другимъ народамъ. И такъ пусть помнятъ австрійскіе Славяне, что ненависть къ Австріи неизбѣжно ведетъ къ распаденію Австріи, бросая въ когти германизма все западное Славянство“. Кон-

чая свою рѣчь, графъ Мошинскій сослался на слова Чичерина въ его „Политикѣ“: если одинъ ударъ выбросилъ Австрію изъ Италіи, а другой — изъ Германіи, то, въ случаѣ внутреннихъ раздоровъ, одинъ новый ударъ можетъ совершенно уничтожить Австрію — и западное Славенство станетъ добычей Пруссіи.

Въ заключеніи засѣданія г. Алоисій Шарловскій, бывшій воспитанникъ московскаго университета, подѣлился своими личными воспоминаніями о Б. Н. Чичеринѣ, какъ объ университетскомъ профессорѣ (1861—1868 г.г,). Чичеринъ, — по его словамъ, — выступилъ въ своихъ лекціяхъ исповѣдникомъ разумно-охранительныхъ началъ, безъ всякихъ реакціонныхъ поползновеній, съ признаніемъ необходимости политическаго и общественнаго развитія. Между тѣмъ университетская молодежь впадала то въ одну то въ другую крайность: то утопала въ квіэтизмѣ, то бросалась на самыя радикальныя доктрины. Но, не смотря на все отличіе своихъ воззрѣній, Чичеринъ умѣлъ пріобрѣсти горячія симпатіи молодежи, уважавшей въ немъ глубину знанія и любовь къ наукѣ. Среди профессоровъ существовали тогда въ Москвѣ двѣ партіи: одна — реакціонная, которой руководили проф. Баршевъ и Никольскій, другая — прогрессивная, съ Чичериномъ во главѣ. Засѣданія университетскаго совѣта были ареной ожесточенной борьбы противниковъ; отклики этой борьбы въ дѣлахъ университета расходились по городу и попадали въ столбы газетъ. Въ концѣ концовъ Чичеринъ долженъ былъ уйти изъ университета и, по „независящимъ обстоятельствамъ“, лишенъ былъ даже возможности проститься со своими слушателями. За то онъ про-

стился съ ними въ формѣ открытаго письма Призывая молодежь къ труду надъ выработкой въ себѣ самодѣятельности и независимости характера. Чичеринъ выражалъ сожалѣніе о томъ, что принужденъ разстаться съ нею, „но — прибавлялъ онъ — честь и совѣсть не позволяютъ мнѣ долѣе оставаться въ университетѣ Я считаю своей обязанностью дѣйствовать не только на умы ваши. но и давать вамъ нравственный примѣръ. являться передъ вами человѣкомъ и гражданиномъ. такъ какъ нравственныя отношен я учителя и учениковъ составляютъ лучшее сокровище университетской жизни".

Чествованіе памяти великаго мыслителя и гражданина — читаемъ въ статьѣ. посвященной этому предмету въ газетѣ Czas (2 III 1904) — было проникнуто духомъ любви и глубокаго уваженія къ лучшему изъ представителей русскаго идеализма — и изъ словъ ораторовъ., особенно проф: Моравскаго, проф: Здзѣховскаго и гр: Мошинскаго проглядывалъ лучъ надежды, что идея Чичерина нынѣ ближе къ своему осуществолнію, что въ сотрясеніи переживаемомъ Россіей по поводу войны, могутъ пробудиться тѣ лучшіе элементы, на которыхъ покойный строилъ свою вѣру въ будущность. Вѣдь недавно читали мы въ органѣ князя Ухтомскаго (N 27) прекрасное воззваніе, написанное подъ впечатлѣніемъ взрыва войны и указывающее на то, что пришелъ для Россіи моментъ сойти въ глубь своей совѣсти и исправить заблужденія прошлаго: „Всякая — читаемъ тамъ — самая малѣйшая разница въ правахъ народовъ входящихъ въ составъ Русской имперіи уже нарушаетъ единство обязанностей, а слѣ-

довательно, и единство стремленій, единство духа народныхъ массъ".

Это и есть мысль Чичерина: „Для человѣка — писалъ онъ — въ истинномъ смыслѣ, также какъ и для истиннаго христіанина „нѣсть Еллинъ ни Іудей", нѣтъ Востока ни Запада". Да, только въ осуществленіи этой мысли Россія найдетъ силы для одержанія побѣды надъ врагомъ, несравненно болѣе опаснымъ, нежели Японія, угрожающимъ всему Славянству; этотъ врагъ — Германія.

Отъ имени собравшихся почитателей Б. Н. Чичерина была отправлена къ г-жѣ Чичериной слѣдующая телеграмма: „Sous l' impression profonde de la mort du sublime penseur et apôtre de la justice les membres de la société slave de Cracovie, rèunis en sèance èxtraordinaire pour cèlèbrer sa mèmoire, vous prient. Madame, d' agrèer l' expression de leur sympathie douloureuse" Телеграмму подписали проф: Казимиръ Моравскій, графъ Эдуардъ Рачинскій, графъ Юрій Мыцельскій и предсѣдатель клуба проф. Маріанъ Здзѣховскій.

РѢЧЬ ПРОФ. М. ЗДЗѢХОВСКАГО.

Первымъ громомъ разразилась на Дальнемъ Востокѣ великая историческая гроза; лучшихъ русскихъ людей охватило удручающее чувство, въ которомъ неувѣренность, тревога, боль слились съ неопредѣленнымъ ожиданіемъ знаменательныхъ и можетъ быть благотворныхъ послѣдствій грозы: зарисовалась смутная надежда, что она разбудитъ совѣсть и очиститъ гнилую атмосферу, созданную политикой, опошлившейся въ объятіяхъ разнузданнаго націонализма — и въ этотъ важный всемірно историческій моментъ, у преддверія къ новой эпохѣ русской жизни покинулъ міръ человѣкъ, посвятившій весь трудъ своей жизни именно очищенію этой гнилой политической атмосферы, глубочайшій и благороднѣйшій изъ мыслителей, которыхъ произвела Россія — Борисъ Чичеринъ. И онъ покинулъ насъ съ чувствомъ глубокой боли, ибо не видѣлъ, да и не могъ еще видѣть, не смотря на свою непоколебимую вѣру въ лучшее будущее, зари тѣхъ свѣтлыхъ дней, которые составляли предметъ его мечты. Смерть его вызвала горестный откликъ и у насъ. Кто — невольно спрашиваемъ мы — замѣнитъ намъ этого борца за правду могучимъ

голосомъ клеймившаго заблужденія своего народа и призывавшаго его къ исправленію ихъ?

Въ некрологахъ, печатавшихся у насъ по поводу смерти Бориса Чичерина, его изображали другомъ Польши. Это неточно. Условіемъ дружбы есть близкое знакомство. Между тѣмъ Чичеринъ не зналъ ни польскаго языка, ни литературы; на основаніи же того, что ему было извѣстно изъ нашей исторіи, онъ насъ судилъ строго. Съ польскимъ обществомъ у него не было никакихъ сношеній. Я имѣлъ счастливый случай сблизиться съ нимъ на закатѣ его дней и вскорѣ послѣ этого онъ писалъ ко мнѣ „Вы первый Полякъ, заявившій сочувствіе моимъ взглядамъ и во мнѣ искавшій сближенія съ Русскими". — Слѣдовательно не въ знакомствѣ и не въ симпатіи къ намъ слѣдуетъ искать источника его благороднаго отношенія къ нашему народу, но гораздо глубже, а именно въ высокомъ нравственномъ характерѣ его личности. Онъ былъ до глубины души проникнутъ абсолютнымъ характеромъ нравственаго закона— и въ этомъ состоитъ отличительная черта его духовнаго склада, это его qualité maîtresse. Онъ всѣмъ своимъ существомъ, не допуская никакихъ уклоненій, никакихъ уступокъ и увертокъ, предавалъ себя внутреннему голосу совѣсти, который Кантъ назвалъ категорическимъ императивомъ и который служитъ основаніемъ нравственному закону, составляющему безусловное требованіе для всякаго разумнаго существа. Этотъ моральный догматизмъ въ связи съ унаслѣдованнымъ отъ Гегеля догматическимъ направленіемъ философской мысли рождалъ въ немъ склонность къ умственному абсолютизму, не допускавшему никакихъ возраженій;

результаты, къ которымъ онъ приходилъ путемъ размышленій, имѣли для него математическую достовѣрность и представлялись въ формѣ заповѣдей обязательныхъ для всѣхъ и исключающихъ возможность всякаго спора. Эта нетерпимость отталкивала многихъ отъ него и была причиной его сравнительно малой популярности въ русскомъ обществѣ и его одиночества, но оттуда же исходила его глубокая и неумолимо суровая честность въ сужденіи о людяхъ и народахъ; въ примѣненіи нравственнаго закона онъ безусловно отвергалъ всякую попытку мѣрить политику иной мѣрой, чѣмъ частную жизнь. Какъ ни выгодно съ политической точки зрѣнія притѣсненіе покоренныхъ народовъ, „но передъ нравственнымъ судомъ — писалъ онъ въ своей Политикѣ (стр. 31) — интересы притѣснителей стоятъ на равнѣ съ интересами воровъ и разбойниковъ“. Россію онъ любилъ горячо и поэтому онъ тѣмъ страстнѣе желалъ ее видѣть въ согласіи съ нравственнымъ идеаломъ, а такъ какъ требованіе нравственности было попрано именно по отношенію къ нашему народу, то искупленіе этого грѣха онъ считалъ первымъ долгомъ истинно русской политики. И изъ этого сознанія нравственнаго долга истекали его взгляды на польско-русскія отношенія.

Борисъ Чичеринъ родился въ 1828 году. По происхожденію и по родственнымъ связямъ онъ принадлежалъ къ высшимъ кругамъ русскаго дворянства. Въ молодости онъ учился въ Москвѣ и тамъ его захватилъ могучій вихрь, шедшій съ Запада отъ философіи Гегеля и несшій съ собой вѣру въ безпредѣльныя силы человѣка, въ его божественность и въ его способность проникать въ глубь вселенной и дохо-

дить до абсолютнаго познанія истины. Эта вѣра воспламенила лучшихъ представителей тогдашней Московской молодежи и, вознося ихъ въ область идеальныхъ стремленій, создала въ русскомъ обществѣ прекрасный типъ людей извѣстныхъ подъ названіемъ „идеалистовъ 40ыхъ годовъ“. Типъ этотъ Тургеневъ обезсмертилъ въ послѣдствіи въ своемъ романѣ Дворянское Гнѣздо. Эти люди распались вскорѣ на два лагеря. Одни изъ нихъ Бѣлинскій, Герценъ, Бакунинъ), заимствуя у Гегеля его обоготвореніе человѣка, который является самымъ совершеннымъ выраженіемъ абсолютной идеи, т. е. Бога, стремящагося къ самопознанію, вывели отсюда неограниченное право свободы личности и, протягивая руку т. н. лѣвому крылу Гегельяцевъ въ Германіи, положили начало крайнему индивидуализму революціонно анархическихъ стремленій, которыя въ скороимъ времени потрясли Россію. Другіе же, чувствуя влеченіе къ историческимъ примѣненіемъ теоріи Гегеля, пожелали исправить своего учителя: Гегель провозгласилъ государство — и именно Прусское Государство — совершеннѣйшимъ произведеніемъ обоготвореннаго имъ человѣка, ученики же его, поставивъ на мѣсто Пруссіи Россію, стали проповѣдовать вѣру въ мессіаническое призваніе Россіи, долженствующей осчастливить міръ водвореніемъ лучшаго христіанскаго порядка, основаннаго на русскихъ началахъ православія и самодержавія. Идея представителей этаго теченія (Кирѣевскіе, Хомяковъ, К. Аксаковъ) стала впослѣдствіи орудіемъ націоналистической реакціи и обрусительной политики. — Отъ односторонности этихъ направленій спасла Чичерина философія Канта. Проникающая ее аффирмація нравственнаго долга не дала доступа

искушеніямъ національнаго и индивидуализма. Кто ставитъ долгъ на первомъ мѣстѣ, тотъ не станетъ учить о правахъ личностей и народовъ независимо отъ ихъ обязанностей.

Чичеринъ вѣрилъ въ Гегеля; онъ смотрѣлъ на его философію, какъ на высочайшую вершину, которой достигла человѣческая мысль, и видѣлъ въ ней введеніе къ абсолютной философіи, т. е. къ абсолютному познанію истины. И на подобіе многихъ другихъ учениковъ Гегеля онъ пытался исправить пробѣлы въ системѣ своего учителя и создать собственную систему, которая должна была служить завершеніемъ труда Гегеля. Такимъ образомъ, вращаясь въ сферѣ Гегельянства, Чичеринъ находился въ противорѣчіи съ теоретической частью ученія Канта, отвергавшаго возможность абсолютнаго знанія, но съ другой стороны глубокое проникновеніе значеніемъ нравственнаго начала, какъ въ области мысли, такъ и на поприщѣ жизни свидѣтельствовало о благотворномъ вліяніи практической философіи Канта, оно углубляло въ немъ религіозное чувство отвѣтственности человѣка передъ Богомъ и спасало отъ крайностей Гегельянства, т. е. отъ отрицанія Бога, свободы и нравственности, составляющаго неизбѣжный выводъ изъ основныхъ положеній философіи Гегеля.

Въ этомъ и заключается самобытность и возвышенность философскихъ идей Чичерина; „идеализмъ 40-ыхъ годовъ“ нашелъ въ немъ свое лучшее воплощеніе. Вмѣстѣ съ этимъ мысль Чичерина, благодаря присутствующимъ въ ней элементамъ „Кантизма“, является связующимъ звеномъ между эпохой Гегеля и тѣмъ, что мы считаемъ самымъ здоровымъ и сильнымъ въ современныхъ стремленіи-

яхъ философіи. Нисходя въ глубь совѣсти, вникая въ раздающійся въ ней императивъ, который заставляетъ признать вѣру въ Бога первымъ нравственнымъ долгомъ человѣка, эта философія стремится къ углубленію религіи, она укрѣпляетъ связь человѣка съ Богомъ, она основываетъ ее не на шаткой почвѣ раціонализма, но на глубочайшемъ требованіи человѣческой природы, она знаетъ, что „Богъ не есть внѣшній фактъ, который невольно навязывается намъ, но внутренняя истина, которая нравственно обязываетъ насъ добровольно признать ее". *) И я думаю, что будущіе изслѣдователи философіи Чичерина оцѣнятъ ее и возвеличатъ именно съ этой точки зрѣнія, т. е. какъ переходъ отъ раціоналистической односторонности т. н. абсолютнаго идеализма Гегеля къ восходящему солнцу нравственнаго догматизма.**)

Спеціальность Чичерина составляло законовѣденіе Впродолженіе многихъ лѣтъ онъ занималъ въ Москвѣ кафедру государственнаго права. Въ 80ыхъ годахъ онъ состоялъ тамъ же городскимъ головой и ему пришлось предетавлять первопрестольный городъ Россіи во время коронаціи Александра III. На обѣдѣ губернскихъ городскихъ головъ онъ произнесъ тогда, какъ хозяинъ Москвы, привѣтственную рѣчь

---

*) Вл. Соловьевъ: „Религіозныя основы жизни". М. 1885, стр. 16.

**) Ср. Ch. Secrétan: „Philosophie de la libertè". — L. Ollè Laprune: „La Certitude morale". — M. Blondel: „L' action". — L. Laberthonnière: „Philosophie religieuse". — Много точекъ соприкосновенія со взглядами этихъ мыслителей представляетъ міровоззрѣніе Вл. Соловьева, развившееся независимо отъ первыхъ двухъ мыслителей, а раньше двухъ послѣднихъ.

въ которой, поднявъ бокалъ „за единеніе всѣхъ земскихъ силъ для блага отечества", онъ выразилъ надежду, что правительство пригласитъ эти силы къ содѣйствію, такъ какъ „безъ общественной самодѣятельности всѣ преобразованія царствованія Александра II не имѣютъ смысла". За эту рѣчь смѣлый ораторъ подвергся опалѣ и былъ вынужденъ бросить поприще общественной и государственной службы. Онъ поселился въ своемъ имѣніи и всецѣло предался научному труду. Наука составляла съ тѣхъ поръ его единственное утѣшеніе, тѣмъ болѣе, что одновременно съ политическими невзгодами его стали поражать удары судьбы въ семейной жизни: смерть лишила его всѣхъ дѣтей и онъ остался въ одиночествѣ съ супругой, неотлучной сотрудницей его до послѣднихъ минутъ жизни.

Исторія русскаго права, государственное право, философія права и другія отрасли философіи поочередно привлекали его творческую мысль. Юристы цѣнятъ болѣе всего его труды въ первой изъ названныхъ областей науки. Какъ изслѣдователь государственнаго права и политики, онъ занялъ одинокую высоту недоступную заурядным ученымъ и публицистамъ. На первый взглядъ могло казаться, что будучи представителемъ либерализма въ самомъ широкомъ смыслѣ слова и противникомъ русской государственной политики, Чичеринъ выражалъ цѣлое общественное теченіе, но на самомъ дѣлѣ онъ принципіально отличался отъ другихъ русскихъ либераловъ въ томъ, что составляло самую суть его міровоззрѣнія: тогда какъ либералы, преклоняясь предъ матеріализмомъ или позитивинизмомъ въ философіи, все болѣе и болѣе приближались къ радикальнымъ

направленіямъ въ политикѣ, Чичеринъ развивалъ свои взгляды на почвѣ идеалистической философіи, которую онъ строго согласовалъ съ христіанскимъ понятіемъ Бога и человѣческихъ обязанностей; это придавало его къ ученію оттѣнокъ умѣренности. При томъ не признавая никакого противорѣчія между религіей и нравственнымъ закономъ съ одной, а результатами научнаго изслѣдованія съ другой стороны, онъ всѣмъ своимъ утвержденіямъ, проистекавшимъ изъ признанія религіи и нравственнаго закона, придавалъ абсолютный характеръ. Такъ какъ цѣлью государства — училъ онъ — есть общее благо, то государство заключаетъ въ себѣ нравственное начало и, хотя опытъ учитъ, что сильныя государства неоднократно возникали при содѣйствіи безнравственныхъ факторовъ, но наука должна показывать, что такіе факторы не пригодны для основанія прочной гражданственности. Въ соотвѣтствіи съ этимъ, входя въ ближе насъ интересующую область отношеній между владычествующимъ народомъ и тѣми, которые имъ покорены, онъ утверждалъ, что господство надъ чужими народами сопряжено съ высокой нравственной обязанностью, потому что общимъ правиломъ слѣдуетъ тутъ считать обязанность со стороны господствующаго народа привлечь къ себѣ покоренныхъ, т. е. нетолько воздать имъ полную справедливость, но „стать выше ихъ, изливъ на нихъ новыя, невѣдомыя дотолѣ блага“. Съ точки зрѣнія этаго правила, которое Чичеринъ считалъ научной аксіомой и нравственной догмой, онъ судилъ объ отношеніи Россіи къ Польскому народу и приходилъ къ безусловному отрицанію русской политики.

Отъ унынія и пессимизма его спасала фило-

софія. Съ ея помощію онъ постигалъ тайны религіи; она упрочивала въ немъ глубокую вѣру въ окончательное торжество правды. Свою философскую дѣятельность онъ началъ съ объявленія войны широко распространенному въ Россіи позитивизму. Съ успѣхомъ позитивизма, за которымъ неизбѣжно слѣдовалъ матеріализмъ, онъ связывалъ современное политическое одичаніе. Позитивизмъ, суживая кругозоръ человѣка, низводя его мысль съ неба на землю, ведетъ къ пониженію умственнаго и нравственнаго уровня общества и „никогда — писалъ Чичеринъ — не было такого всеобщаго шатанія, такого умственнаго мрака, какъ именно теперь; сильная мысль, крѣпкія убѣжденія, высокіе характеры становятся рѣдкостью". Если утилитарная этика, выводимая изъ позитивизма, есть отрицаніе живой христіанской этики, основанной на взаимнодѣйствіи между Богомъ и человѣкомъ, то тѣмъ болѣе самъ позитивизмъ являлся, по мнѣнію русскаго мыслителя, отрицаніемъ логики, „превращеніемъ разумнаго познанія въ чистую безсмыслицу". — „Горе служителю науки — писалъ онъ — который погасилъ въ себѣ свѣтильникъ метафизики! Онъ осужденъ вѣчно пресмыкаться въ низменностяхъ реализма, потерявши даже память о томъ, что онъ рожденъ для инаго знанія и для иной жизни"!

Будущій прогрессъ человѣчества зависѣлъ, по мнѣнію Чичерина, отъ возрожденія философскаго идеализма. Въ этомъ заключалась его самая задушевная мысль. Онъ подробно развилъ ее въ „Наукѣ и религіи", самомъ продуманномъ изъ своихъ сочиненій, въ которомъ онъ свелъ итоги своихъ исканій, всего труда своей жизни. Эта книга есть попытка синтеза

вселенной, поражающая насъ какъ обширностью знанія, такъ и широтой кругозора; она представляетъ одно изъ самыхъ смѣлыхъ проявленій полета человѣческаго духа въ темныя области грядущаго; но будучи проникнутъ до дна души ученіемъ Гегеля, Чичеринъ явился слишкомъ поздно или слишкомъ рано для того, чтобы возбудить къ своимъ воззрѣніямъ должное вниманіе.

Факеломъ, съ которымъ мыслитель сошелъ въ глубь вселенной, былъ открытый Гегелемъ законъ діалектическаго развитія, опредѣленный имъ какъ развитіе противоположностей и сочетаніе ихъ, въ новомъ единствѣ (тезисъ антитезисъ, синтезъ). Но Чичеринъ, усматривая въ этомъ законѣ одну изъ величайшихъ добычъ человѣческаго ума, ввелъ въ него (по примѣру другихъ учениковъ Гегеля) поправку, передѣлывающую кореннымъ образомъ систему нѣмецкаго философа, а именно: на мѣсто Гегелевской тройцы онъ поставилъ цифру четыре, т. е. діалектическое развитіе мысли онъ заключилъ не въ трехъ, но въ четырехъ главныхъ опредѣленіяхъ. Началомъ діалектики вмѣсто понятія отвлеченнаго бытія, какъ это было у Гегеля, онъ призналъ бытіе конкретное и оттуда вывелъ то, отъ чего Гегель начиналъ, т. е. противоположныя понятія бытія и небытія, которыя, переходя одно въ другое, даютъ начало процессу (das Werden), сливающему ихъ въ высшемъ единствѣ. Прямымъ послѣдствіемъ этой поправки явилось то, что въ началѣ всего сущаго Чичеринъ поставилъ конкретнаго живаго Бога-Создателя вмѣсто абсолютной идеи Гегеля, обнимающей все мірозданіе въ пантеистическомъ единствѣ. — Затѣмъ, примѣняя свою поправку къ исторіи человѣчества, онъ изложилъ ея

законы въ новомъ весьма оригинальномъ синтезѣ, но чрезвычайно сложномъ и вслѣдствіе этаго не совсѣмъ удобопонятномъ, но главное то, что результатомъ этаго синтеза, выражающаго весь ходъ историческаго прогресса, была твердая увѣренность, что человѣчество находится наканунѣ новаго побѣдоноснаго возрожденія идеализма, что это теченіе внесетъ новыя силы въ одряхлѣвшее религіозное сознаніе и что, способствуя осуществленію демократическаго общественнаго строя, оно дастъ демократіи идеалистическое направленіе, основывая ее на признаніи свободной и духовной человѣческой личности и на вытекающемъ отсюда преобладаніи классовъ, занятыхъ умственнымъ трудомъ надъ классами преданными матеріальной работѣ. И не уступая даже Гегелю и его послѣдователямъ въ своемъ умственномъ абсолютизмѣ, Чичеринъ не колебался превозгласить свой синтезъ послѣднимъ словомъ науки, истиной, которую обязанъ признать всякій человѣкъ, способный логически мыслить. „Законъ діалектическаго развитія — писалъ онъ — каждый ученый можетъ провѣрить на опытѣ; исторія философіи служитъ самымъ блистательнымъ фактическимъ оправданіемъ его“... „Вооруженные этимъ закономъ, мы можемъ точно опредѣлить не только, гдѣ мы стоимъ, но и куда мы идемъ“... „мы можемъ съ такою же достовѣрностью предсказать всѣ будущія ступени человѣческаго развитія, какъ астрономъ предсказываетъ солнечныя затмѣнія“...

И это непоколебимое убѣжденіе въ близкомъ торжествѣ идеализма было для русскаго мыслителя источникомъ утѣшенія, душевной бодрости и твердости въ виду разочарованій, приносимыхъ ему каждымъ днемъ жизни. Считая религію, въ противоположность

Гегелю, высочайшимъ выраженіемъ человѣческаго духа, Чичеринъ придавалъ тѣмъ большее значеніе ожидаемому торжеству идеализма, призваннаго возродить и углубить религіозное сознаніе. „Религія относится къ философіи — писалъ онъ — какъ молитва къ силлогизму". Философія есть отвлеченное познаніе абсолютнаго, религія — живое съ нимъ взаимнодѣйствіе, слѣдовательно религія выше философіи. Но полнота общенія съ Богомъ зависитъ отъ полноты пониманія — и тутъ предстоитъ философіи важная задача приготовить человѣка къ этому полному религіозному общенію съ Богомъ. И она вводитъ его въ глубь абсолютнаго и преклоняетъ передъ Всевышнимъ Разумомъ, который въ лицѣ Христа, въ воплощенномъ Словѣ своемъ, соединяется съ естествомъ человѣка и объявляетъ ему свою волю...

* * *

Мои поверхностныя и безсильныя слова о дѣятельности человѣка, который впродолженіе почти 50-ти лѣтъ не выпускалъ пера изъ рукъ и результаты своихъ мыслей и трудовъ изложилъ въ 20-ти слишкомъ томахъ сочиненій, обнимавшихъ разнообразныя области знанія, я позволю себѣ дополнить и оживить воспоминаніями о моихъ личныхъ сношеніяхъ съ достойнѣйшимъ изъ русскихъ мыслителей и отрывками изъ его писемъ къ мнѣ.

Въ 1898 году г. Константинъ Володковичъ обратилъ мое вниманіе на III-ій томъ „Государственной наукя" Чичерина, въ которомъ Б. Н. обстоятельно разобралъ политику Россіи въ отношеніи къ намъ.

Я тотчасъ же прочелъ названное сочиненіе и подъ первымъ и сильнымъ впечатлѣніемъ возвышеннаго образа мыслей автора я отправилъ къ нему письмо съ выраженіемъ моей благодарности и восторга. Черезъ нѣсколько дней я получилъ отвѣтъ. „Радуюсь — писалъ Борисъ Николаевичъ — что писанное мною доставило хотя нѣкоторое нравственное удовлетвореніе людямъ, относительно которыхъ мы много погрѣшили". — Все письмо дышало глубокой грустью. Б. Н. жаловался въ немъ на убійственное вліяніе возстанія 1863 года нетолько на Польшу, но и на Россію, гдѣ оно вызвало націоналистическую реакцію, за которой послѣдовало политическое одичаніе, безпрерывно возрастающее до сихъ поръ. „Но кто вѣритъ — кончалъ онъ — въ будущее человѣчества, тотъ долженъ думать, что это (русскій націонализмъ) явленіе временное. Я по крайней мѣрѣ твердо убѣжденъ, что настанутъ лучшіе дни, для которыхъ и надобно свято хранить нравственное достояніе народовъ, стараясь въ особенности оберечь его отъ всего, что можетъ наложить на него нравственное пятно. Въ этой возвышенной цѣли всегда сойдутся лучшіе изъ Поляковъ и лучшіе изъ Русскихъ. Въ этой надеждѣ желаю вамъ бодрости и терпѣнія"... Съ тѣхъ поръ онъ эту мысль повторялъ почти въ каждомъ письмѣ: „Я вѣрю въ прогрессъ человѣчетва, но нынѣшнее его положеаіе мало даетъ надежды на то, что мы на своемъ вѣку увидимъ что нибудь лучшее. Остается въ тишинѣ работать для потомства, что каждый и долженъ дѣлать по мѣрѣ силъ и способности. Я до глубокой старости держусь этаго правила". — „Цѣль моя — писалъ онъ вскорѣ послѣ появленія своей брошюры о польскомъ вопросѣ (Берлинъ, 1899 — состояла

въ томъ, чтобы сочувствіе Полякамъ высказали именно Русскіе. Мнѣ хотѣлось нетолько протянуть руку притѣсненнымъ, но и пробудить лучшія чувства среди своихъ соотечественниковъ".

Чичеринъ, проникнувшись въ молодыхъ лѣтахъ вліяніемъ нѣмецкой философіи, сохранялъ до старости юношеское воодушевленіе для той Германіи, которой выраженіемъ была поэзія Шиллера. Кантъ и Гегель представлялись ему олицетвореніемъ того высочайшаго подъема, который достижимъ для человѣческаго духа. Тѣмъ сильнѣе и печальнѣе поражало его нравственное паденіе современной Германіи: „Я видѣлся здѣсь — писалъ онъ мнѣ изъ Рима — съ почтеннымъ нѣмцемъ старикомъ Г. . Послѣ долгаго разговора онъ мнѣ сказалъ: вы — послѣдній идеалистъ; я недавно изъ Германіи; тамъ кромѣ матеріальныхъ интересовъ ничего нѣтъ". — „Вы говорите — писалъ Б. Н. по поводу брошюры Моммсена противъ Чеховъ — что Ив. Аксаковъ, былъ бы на Западѣ невозможенъ. По моему Моммсенъ нисколько не лучше его, если не хуже"... „чего же требовать отъ менѣе образованныхъ народовъ? Но если мы въ современномъ человѣчествѣ безспорно замѣчаемъ нравственный упадокъ, то тѣмъ тѣснѣе должны сплотиться тѣ, у которыхъ сохранились еще возвышенныя чувства". — И только на этой почвѣ возможно взаимное сближеніе Поляковъ и Русскихъ: „Конечно, вамъ (т. е. Полякамъ) болѣе всего нужно благоразуміе и терпѣніе, но повѣрьте, что эти качества такъ же нужны и намъ; хотя мы владычествующая народность, но нынѣшнее наше положеніе крайне тяжело и оно отягчается еще сознаніемъ своей нравственной вины передъ притѣсненными — сознаніе, отъ котораго вы къ счастью изба-

влены". — То чувство, что на всякомъ Русскомъ тяготитъ въ извѣстной мѣрѣ отвѣтственность за все то, что творится въ Россіи, особенно его угнетало. Ему было извѣстно, что въ ознаменованіе юбилея нашего университета, онъ будетъ избранъ почетнымъ докторомъ. Въ виду этаго я убѣдительно приглашалъ его почтить нашъ праздникъ своимъ присутствіемъ; нѣкоторое время онъ собирался къ намъ, но потомъ бросилъ свое намѣреніе, послѣ же юбилея онъ такъ писалъ ко мнѣ: „Радуюсь тому, что вамъ праздникъ удался, но не жалѣю о томъ, что меня тамъ не было. Въ настоящее время положеніе Русскаго среди иностранцевъ весьма неловкое. Что можетъ онъ сказать имъ о своемъ отечествѣ? Развѣ только то, что въ немъ не совсѣмъ еще заглохли тѣ высшія начала справедливости и человѣколюбія, которыя составляютъ достоинство и красу человѣческой жизни. Но вѣдь это очень мало".

Я лично встрѣтился съ Б. Н. Чичеринымъ всего одинъ разъ, въ Вѣнѣ. Признаюсь, что судя по сочиненіямъ, я нѣсколько опасался въ немъ аподиктическаго тона и какой то мрачной пуританской суровости. Но мои опасенія не оправдались. На высокомъ открытомъ челѣ его и въ глазахъ я вычиталъ величіе мысли, обнимавшей широкія области знанія и жизни и освѣщавшей ихъ свѣтомъ любви всего въ Богѣ и для Бога На этой духовной высотѣ онъ черпалъ спокойствіе вѣры и силу жизни — и жизнью мощной и богатой вѣяло отъ этаго 70-ти лѣтняго старца; физическая и нравственная энергія рисовалась въ его движеніяхъ и словахъ. Сердечной же простотой въ обращеніи онъ дѣйствовалъ такъ обаятельно, что съ первой же минуты онъ мнѣ показался человѣкомъ давно

знакомымъ и близкимъ. Нѣсколько часовъ проведенныхъ въ бесѣдѣ съ нимъ я причисляю къ тѣмъ рѣдкимъ въ жизни, воспоминаніе которыхъ наполняетъ бодростью и вѣрой.—Въ разговорѣ мы коснулись славянскихъ дѣлъ и Б. Н. Чичеринъ повторилъ то, о чемъ неоднократно упоминалъ въ своихъ сочиненіяхъ и въ письмахъ. Онъ предвидѣлъ, что славянскій вопросъ можетъ вспыхнуть въ близкомъ будущемъ, но не допускалъ, чтобы разрѣшеніе его въ смыслѣ желательномъ для Россіи и для Славянства было возможно безъ предварительнаго разрѣшенія польскаго вопроса. Этотъ идеалистъ, такъ сурово судившій о Россіи и другихъ ближе ему знакомыхъ народахъ, смотрѣлъ на мало знакомыхъ Славянъ черезъ призму своего идеализма и не вѣрилъ, чтобы они могли чувствовать влеченіе къ современной, руссификаціонной страстью охваченной Россіи. И передъ величіемъ мысли великаго русскаго патріота и гражданина да покроетъ румянецъ стыда тѣхъ славянскихъ публицистовъ, которые политику, основанную на угнетеніи Грузиновъ и Армянъ, Финляндіи и Польши, представляютъ нравственной христіанской политикой, обезпечивающей за Россіей торжество надъ врагами! Черезъ Польшу — говорилъ Чичеринъ — ведетъ насъ дорога къ Славянству, къ силѣ нравственной и матеріальной... Таковъ былъ смыслъ его словъ и въ потвержденіе этаго привожу слѣдующія подлинныя слова его изъ письма ко мнѣ, написаннаго вскорѣ потомъ: „Сближеніе двухъ наиболѣе крупныхъ славянскихъ народовъ на почвѣ обоюдной справедливости былобы такимъ желаннымъ событіемъ, что не вѣрится даже въ его возможность. Изъ записокъ Бисмарка видно, какъ въ 1863 году этаго боялись Нѣмцы. Я не со-

мнѣваюсь въ томъ, что оказаніе справедливости Полякамъ поставилобы Россію на вершину могущества и славы". Но Чичеринъ понималъ, что искреннему миру между Россіей и нами всегда будетъ противодѣйствовать Германія и потому онъ считалъ разгромъ германской имперіи необходимымъ условіемъ оздоровленія политическихъ отношеній.

Вслушиваясь въ дышавшія юношескимъ жаромъ рѣчи Бориса Николаевича, я не могъ предчувствовать, что черной тучей уже надвигалось на него несчастіе, которое вскорѣ послѣ нашего свиданія лишило его возможности работать. Осенью того же года (1900) у него въ деревнѣ вспыхнулъ пожаръ; спасая, онъ подвергся сильнымъ обжогамъ и вынужденъ былъ долгое время пролежать въ постели. Не смотря на сильныя страданія, онъ продолжалъ свои работы: онъ готовилъ къ печати новое изданіе „Науки и религіи" и составлялъ V томъ своей „Исторіи политическихъ наукъ". „Удивительный человѣкъ — писалъ тогда ко мнѣ его родственникъ — ему 72 года; голова его представляетъ одну сплошную рану; онъ лежитъ больной, измученный, а духъ его все время остается ясенъ и могучъ, онъ также пламенно интересуется всѣмъ происходящимъ на свѣтѣ". — Немного оправившись, Б. Н. возобновилъ со мной переписку: „Письмо ваше, писанное еще въ прошломъ вѣкѣ, дошло до меня только въ нынѣшнемъ, съ которымъ поздравляю васъ, какъ молодаго человѣка. Вы вѣроятно увидите то хорошее, что онъ съ собою принесетъ, а я, въ мои лѣта, уже на это не надѣюсь. Пока не видать даже и признаковъ улучшенія. Самое завѣтное мое желаніе состоитъ въ томъ, чтобы онъ принесъ примиреніе двухъ братскихъ народностей, которыя XVIII вѣкъ раздѣлилъ,

а XIX вѣкъ не умѣлъ примирить. Къ этому должны быть направлены всѣ мысли и дѣятельность молодаго поколѣнія, а намъ, старикамъ, остается только благословить ихъ на этотъ подвигъ, уходя въ могилу. Многіе скажутъ, что это мечты, но это мечты, которыя возвышаютъ душу и для которыхъ однихъ стоитъ работать, тогда какъ для современной жизненной дрянни не стоитъ и пальца шевельнуть".

Съ умиленіемъ читалъ я эти слова, какъ благословленіе старца, который, прощаясь со всѣмъ земнымъ, передаетъ мысль свою въ руки своихъ молодыхъ наслѣдниковъ на поприщѣ борьбы за правду. И на самомъ дѣлѣ эти слова были и благословленіемъ и завѣщаніемъ. Надломленный предшествовавшей болѣзнью организмъ Б. Н. Чичерина потерялъ силу сопротивленія и вскорѣ ударъ паралича окончательно сломалъ его. Въ тяжеломъ состояніи прожилъ онъ свои послѣдніе годы. За нѣсколько мѣсяцевъ до смерти онъ почувствовалъ улучшеніе — и я былъ до глубины души растроганъ его добротой и памятью обо мнѣ, получивъ послѣ двухлѣтняго вынужденнаго молчанія два письма, продиктованныя имъ, но подписанныя собственной дрожащей рукой. Почеркъ былъ измѣненъ до неузнаваемости.

У гроба Чичерина тѣснятся въ сердце чудныя его слова о безсмертіи: „Человѣкъ не можетъ примириться съ мыслью, что любимое имъ существо превратилось въ ничто, что тотъ разумъ, то чувство, которые составляли предметъ глубочайшей его привязанности, исчезли, какъ дымъ, не оставивъ по себѣ и слѣда. Противъ этаго возмущается все его существо. Устремляя въ вѣчность свои умственные взоры, человѣкъ простираетъ въ вѣчность и свои сердечныя

привязанности. А если таковы глубочайшія основы его естества, то предметомъ этой привязанности не можетъ быть что либо переходящее. Передъ гробомъ любимаго существа, изъ глубины человѣческаго сердца опять вырывается роковой вопросъ: зачѣмъ дано ему любить такимъ образомъ, если предметъ этой любви ничто иное, какъ мимолетная тѣнь, исчезающая отъ первой случайности? или зачѣмъ отнимается у него предметъ любви, когда эта любовь есть самое высокое и святое, что есть въ человѣческой жизни? И тутъ на эти вопросы можетъ быть одинъ только отвѣтъ: безсмертіе! Любовь, носящая въ себѣ вѣчность, въ себѣ самой заключаетъ неискоренимое убѣжденіе, что предметъ ея вѣченъ, также какъ она сама".

Разумъ заставилъ мыслителя преклониться предъ Всевышнимъ Разумомъ, который есть Свѣтъ свѣта, абсолютная Истина и Любовь. Но прежде чѣмъ счастіе вѣчнаго общенія съ Нимъ и полноты обладанія истиной озаритъ человѣка въ высшемъ сверхчувственномъ нездѣшнемъ бытіи, его земное существованіе должно быть неусыпнымъ стремленіемъ къ преобразованію условій здѣшней жизни по образу и подобію Истины. И въ согласіи съ этимъ основнымъ убѣжденіемъ Чичерина, правда въ русской жизни составляла цѣль его стремленій. Въ послѣдней своей работѣ, посвященной защитѣ Финляндіи, онъ, клеймя шовинистическое одичаніе русской политики, добавлялъ въ концѣ, что однако „прежде всего" надо протянуть руку раздавленному Россіей славянскому брату и поднять его изъ униженія въ которомъ мы сами его держимъ Отъ этаго зависитъ будущее Россіи, только тогда она вступитъ „на вершину могущества и славы!"

И съ этой мыслью русскій мыслитель перешелъ въ высшее существованіе. Эта мысль составляетъ его завѣщаніе. И опять мы спрашиваемъ, гдѣ его продолжатели? О, еслибъ предзнаменованіемъ лучшаго будущаго могли быть его собственныя слова, писанныя ко мнѣ по поводу его же брошюры о Польскомъ вопросѣ! Б. Н. увѣрялъ меня, что она не есть „голосъ вопіющаго въ пустынѣ“, но выраженіе „настроенія, господствующаго въ значительной части русскаго образованнаго общества“... „я сообщалъ ее многимъ и она возбуждала живѣйшее сочувствіе и въ старыхъ и въ молодыхъ“. — И на самомъ дѣлѣ голоса этихъ друзей истины раздаются нынѣ нѣсколько чаще — и не слѣдуетъ терять надежды, что они станутъ звучать все громче и что среди раскатовъ грозы, надвигающейся съ дальняго Востока, въ сотрясеніи, которое она несетъ съ собой, Русь проявитъ тѣ высшія начала своего духа, которыя съ первыхъ дней ея исторіи, со временъ сказочнаго богатыря Ильи Муромца, защитника всѣхъ угнетенныхъ, обнаруживались въ критическихъ моментахъ ея жизни. Священный огонь этихъ началъ зажигалъ души святыхъ заволжскихъ старцевъ, когда они бросали свои скиты, чтобы идти на мученичество, клеймя грѣхи князей и Церкви. Искры этаго огня пылали еще въ XVIII вѣкѣ въ сердцахъ тѣхъ, которые, подобно Новикову или Радищеву, возставая противъ господствующаго разврата, искали новыхъ нравственныхъ и политическихъ идеаловъ. Этотъ огонь былъ источникомъ геройства декабристовъ; онъ охватывалъ Пушкина, Лермонтова и Гоголя въ лучшіе моменты ихъ вдохновеній; онъ несъ съ собой идеализмъ 40-хъ годовъ, воспламеняя творческія мечты Алексѣя Толстаго

и Тургеньева; онъ горѣлъ въ мрачной сатирѣ Щедрина; озарилъ мистическимъ блескомъ ясновидѣніе Достоевскаго; вспыхнулъ съ новой силой въ думахъ реформаторовъ общества — Герцена и Льва Толстого и. согрѣвъ мысль Чаадаева, перебросился въ пророческія размышленія Вл. Соловьева... И кажется какъ будто этотъ огонь опять прорывается наружу въ словахъ нѣкоторыхъ писателей, произнесенныхъ подъ первымъ впечатлѣніемъ первыхъ извѣстій съ Дальняго Востока; кажется, будто мы слышимъ въ нихъ голосъ совѣсти, призывающій къ единенію съ народами, которые волею историческихъ судебъ связаны нынѣ съ Россіей — къ единенію христіанскому. основанному не на насиліи, но на справедливости. Близкое будущее покажетъ, голосъ ли это совѣсти, или только страха — и пожелаетъ ли Россія взойти на тѣ вершины нравственнаго обаянія и политическаго могущества. о которыхъ мечталъ Борисъ Чичеринъ.

БИБЛИОТЕКА
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМИИ.